

«Травиата»... Шедевр Джузеппе Верди, любимый вокалистами, оркестрантами, дирижёрами и зрителями! Если профессионалы оперной сцены ценят возможность с наслаждением демонстрировать свой высокий уровень мастерства, то зритель – возможность испытать состояние «омовения» и очищения музыкой и эмоциями. И спектакль Мариинского театра не обманывает этих ожиданий.

Режиссёр-постановщик англичанка Клаудиа Шолти, известная нам по прекрасно-таинственной постановке оперы «Сон в летнюю ночь» Бриттена, в сотворчестве с художником Изабеллой Байуотер придала «Травиате», этой жемчужине оперной классики, новое звучание. К счастью зрителей, оно не связано с навязываемыми обычно слушателю «приметами современности» в виде переодевания актёров в современные одежды и прочих глупостей. Естественность рисунка роли каждого из героев, драматургия каждой мизансцены так и просят оценки Станиславского: «Верю!!» Режиссёру-постановщику достаточно нескольких, не слишком гротескных штрихов (на-

Клаудиа Шолти

пример, прохода по авансцене подвыпивших гостей (Виолетты), чтобы через общие слабости показать сходство людей разных эпох. Очень важными для не поверхностного восприятия оперного действия представляются деликатные дополнения и акценты на символах, которыми богата партитура Верди. Увертюра. Тончайше-трепетное звучание музыкального эпиграфа к спектаклю (дирижёр Михаил Синькевич) сопровождает появление на стенах дома Виолетты лица спящей женщины. Но вот ресницы дрогнули – и героиня пробуждается для любви и жертвенности...

Во втором действии волнуемые ветром цветущие деревья создают ощущение гармонии, счастья и красоты. И, наконец, сцена маскарада, где карнавальные мотивы подчёркиваются появлением воздушных гимнастов, женщин – зазывал, машущих руками на башнях, и «ряженных» гостей – цыганок, быков и тореро. Постановщик связал их появление с символами судьбы (хор «цыганок»), смерти (гибель «быков») и «перелома» судеб героев от безмятежности к трагедии (резкие сальто воздушного гимнаста). Эти символы предваряют кульминацию сюжета – драматическую встречу Альфреда и Виолетты.

Вдумчивое воплощение на сцене замысла Верди, красота декораций и изобретательность художника-постановщика составляют прекрасное единство с оркестром и вокалистами. Хотя эта редакция оперы Верди впервые увидела свет ramпы Мариинского театра три года назад, в 2015 году, но свежесть эмоций исполнителей главных ролей и филигранного звучания оркестра создают ощущение праздничной премьеры.

Известно, что в «Травиате», в отличие от более поздних опер, композитор отдаёт вокалистам основные средства музыкального выражения сюжета на фоне минимализма оркестрового звучания (за что многие критики ещё в XIX-м столетии упрекали Верди). Это требует от дирижёра особого мастерства, что отмечают орденами не только слушатели, но и исполнители в конце спектакля.

За три года жизни спектакля немного изменился состав певцов, но в целом они составляют прекрасный по звучанию ансамбль. Сегодня исполнители партий Виолетты (Оксана Шилова) и Альфреда (Мигран Агаджанян) обладают красивыми мощными «вердиевскими» голосами широкого диапазона, превосходной техникой и несомненным драматическим талантом.

Оксана Шилова, легко и естественно следуя мелодике Верди, создаёт образ в чём-то наивной, доброй и искренней девушки, чья душа «просвечивает» сквозь легковесный образ куртизанки. Это

Оксана Шилова

не Виолетта Анны Нетребко! Её есть за что любить прекраснородушному юноше Альфреду. Пробуждению в ней большого чувства веришь! Верди выделяет Виолетту среди всех и тем, что она уже «уязвлена» смертью и чувствует свою незащитность перед нею: никто не слышит её слов о краткости её жизни... В героине Оксаны Шиловой этот мотив звучит всё отчетливее по мере развития действия. Простота и естественность исполнения певицей самых сложных по технике и эмоциональной наполненности сцен второго и, особенно, третьего акта достойны восхищения! В финале это позволило ей добиться музыкальными средствами уровня философского

обобщения: высшее выражение любви – это смерть! Действительно, трудно сказать, о чём говорит Виолетта в последнем возгласе «О, радость!», – о долгожданном единении с Альфредом или о конце физических и душевных мук (смерти)?

И критика была единодушна в своей оценке певицы, говоря, что «Оксана Шилова блистала в своём образе. Если у многих Виолетта получается чересчур интеллигентной, настолько, что невольно задаёшься вопросом, кто эта женщина: куртизанка или школьная учительница – и её жертвенность кажется очевидной, то наша исполнительница показала превращение из развязной гетеры в почти святую женщину, которая без тени сомнения отдаёт свою жизнь ради чести возлюбленного. ...Она менялась буквально на глазах, постепенно отсекая всё лишнее и обнажая чистую душу».

Мигран Агаджанян, обладатель прекрасного драматического тенора, строит образ своего героя традиционно: Альфред быстро проходит путь от наивного влюблённого до эгоистичного ревнивца, безрассудного в своей страсти (задета его честь!). Драматический рисунок роли представляется несколько спорным из-за выбранной вокалистом на всём протяжении оперы «героической» манеры исполнения – всё же Альфред не Радамес. Но в сцене игры в карты и оскорбления Виолетты на маскараде выразительность и драматизм эмоций героя Агаджаняна производят сильное впечатление.

Настоящим открытием для слушателя явился Жорж Жермон в исполнении Владислава Сулимского – олицетворение злого гения под маской эгоистичной родительской любви. Заметим, что его поведение – это пример не только извечной драмы отношений отцов и детей, но и демонстрация одного из известных современных методов внушения – метода нейролингвистического программирования. Имел ли его в виду Сулимский, неизвестно, но его персонаж явно навязывает героине необходимость жертвы неоднократными повторениями на разные лады одной и той же фразы. Конечно, в этом вокалист следует партитуре, но явно акцентирует свою навязчивость манерой поведения. Примечательно, что раскаяние Жермона-Сулимского в финале кажется слушателю лицемерным.

Из исполнителей ролей второго плана выделяются Александр Трофимов (Гастон) и Владимир Феляуэр (доктор Гранвиль). Перед ними стоят нелёгкие задачи лаконичными средствами создать запоминающийся образ. Они с успехом её решают, сочетая высокотехничный вокал с узнаваемой пластикой движений и драматизмом. К сожалению, исполнители таких знаковых персонажей, как барон Дуфоль (Андрей Серов) и подруга Виолетты Флора (Ирина Шишкова), не достигли выраженной сценической индивидуальности. Возможно, виной тому погрешности либретто, поскольку это характерно и для других постановок оперы на разных сценах. Попытки преодолеть этот барьер очевидны у Андрея Серова, но, к сожалению, они пока недостаточны.

И всё же, опера «Травиата» прочтена заново. И меломан, и любитель опер Верди, и рядовой слушатель вновь услышали и осознали музыкальные, превосходящие слово, основы трагедии и красоты мира.

Февраль 2019 г. Санкт-Петербург